

DOI 10.24411/9999-001A-2020-10037
УДК: 93/94

А.П. Дворецкая¹, В.Г. Седельников²
Сибирский федеральный университет
пр-т Свободный, д. 82а, г. Красноярск, Россия, 660041
¹advoreckaya@mail.ru
¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0140-3704>
²<https://orcid.org/0000-0001-6457-8846>

По следам экспедиции Руала Амундсена на шхуне «Мод»: формирование мест памяти

Аннотация

Среди памятников острова Диксон важное значение имеют знаки, установленные в предполагаемых местах гибели Питера Тессема и Пауля Кнутсена — двух членов легендарной норвежской экспедиции Руала Амундсена на шхуне «Мод» в 1918–1920 гг. В статье показывается, как устанавливались места их гибели на острове. Оцениваются все версии, которые возникли у исследователей в разное время с 1920 по 1983 г. Рассказывается о судьбе памятных знаков на местах захоронений и перспективах их дальнейшего сохранения. Делается вывод, что важную роль в формировании пространства памяти сыграли профессиональное сообщество полярников и государство, а сами события, о которых идет речь, составляют коллективную память Арктики.

Ключевые слова: Амундсен, Бегичев, Приенисейский Север, Диксон, места памяти, коллективная память Арктики, Д. Шпаро

A.P. Dvoretskaya¹, V.G. Sedel'nikov²
Siberian Federal University
Svobodny Avenue, 79, Krasnoyarsk, Russia, 660041
¹advoreckaya@mail.ru
¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0140-3704>
²ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6457-8846>

Following the Roald Amundsen's expedition by the schooner "Mod": organization of memorial places

Abstract

Among the memorials of the Dixon island the signs established in places of assumed death of Peter Tessem and Paul Knutsen — two members of legendary Roald Amundsen's expedition by the «Mod» schooner (1918–1920) are of the great importance. This article demonstrates how the places of their tragic deaths were being located on the island. The article deals with the evaluation process of the scientist's versions within the period between 1920 and 1983. The article illustrates the memorial signs established on the places of the burials and assumes the perspectives of their further preservation. It is concluded that the important role in creation of the «memorial environment» belongs to the professional association of the polar researches and to the state, and the described events create the «collective memory of the Arctic».

Key words: Amundsen, Begichev, Yenisei North, Dixon, memorial places, collective memory of the Arctic, D. Shparo

Введение. Сохранение традиции поиска пропавших без вести, установление истины о гибели полярников является частью культурной памяти северян. Обращение к отдаленному прошлому связывает разные поколения, формирует общность людей всех возрастов и стран, становится частью единой истории Арктики. Одной из таких страниц стала история поисков Пите-

ра Тессема и Пауля Кнутсена, двух членов легендарной норвежской экспедиции Руала Амундсена на шхуне «Мод» в 1918–1920 гг., и увековечение их памяти в местах их предполагаемой гибели на острове Диксон.

24 июня 1918 г. Руал Амундсен отправляется в свое плавание на шхуне «Мод». Он хотел из Норвегии дойти до полярной Сибири, чтобы, вмерзнув в дрейфующие льды,

Ил. 1. Осматриваемая территория мыса с памятными знаками. Вид с воздуха. 1984 г. [РГАЭ, Ф. Р-247. Оп. 3. Д. 30. Л. 11]
Fig. 1. The inspected territory of the cape with commemorative signs. Aerial view. 1984 [Russian State Archive of Economics]

Ил. 2. Бревно плавника с надписью: «Н.В.1921». Слева направо стоят Ф. Склокин, И. Марков. 1973 г. (<http://travelreal.ru/europe/rossiya/polyarnye-dnevnik>)
Fig. 2. A log of a fin with the inscription N.V.1921. From left to right are F. Sklokin, I. Markov. 1973 (<http://travelreal.ru/europe/rossiya/polyarnye-dnevnik>)

добраться с ними до Северного полюса и затем пройти Северо-Восточным проходом до Берингова пролива и Аляски. В середине сентября 1918 г. шхуна была зажата льдами, но вместо того чтобы дрейфовать, встала на «мертвую» стоянку возле мыса Челюскин.

В целом успешно полярники дожили до сентября 1919 г., когда появилась возможность вызволить из ледового плена шхуну «Мод» и продолжить плавание. Накануне этого важного события произошел эпизод, наиболее важный для нас: от основного состава экспедиции отделились двое — Питер Тессем и Пауль Кнутсен. Они сошли на берег с тем, чтобы сухопутным путем (пешком и на собачьей упряжке) от мыса Челюскин добраться до российского порта Диксон и далее уже пароходом и поездом вернуться в Норвегию [Амундсен, 1936, с. 140–146].

На каком-то отрезке пути норвежские моряки пропали. Хрестоматийный ход дальнейших событий был изложен первоначально в газете «Советская Сибирь» (статья «Полярная Одиссея боцмана Бегичева», январь 1927 г., Новосибирск). Более поздний вариант этой же версии появился в книге К. Лисовского «Тайна мыса Входного» (Новосибирск, 1975).

По этой версии, норвежское правительство в 1920 г. отправило на поиски Питера Тессема и Пауля Кнутсена шхуну «Хеймен» со специальной экспедицией на борту. Возглавлял экспедицию капитан Ларс Якобсен, его помощником был переводчик Альфред Карлсен. По прибытии на Диксон к экспедиции присоединился русский почти легендарный полярник, лучший знаток Таймыра Никифор Бегичев. Далее поисковики двинулись пешим путем — на собаках и оленях в сторону мыса Челюскин.

26 июля 1921 г. на мысе Вильда (находится примерно на полпути между Диксоном и мысом Челюскин) ими была сделана первая важная находка. Это была жестяная коробка с запиской на английском языке от Кнутсена и Тессема, датированная 15 ноября 1919 г. В ней сообщалось, что моряки пришли сюда 10 ноября, с ними все в порядке (we are in good condition) и они собираются идти далее в сторону Диксона. По расчетам выходило, что Кнутсен и Тессем прошли половину пути менее чем за месяц и к концу декабря 1919 г. могли уже быть на Диксоне.

30 июля 1921 г. экспедиция Якобсена-Бегичева повернула назад и пошла в сторону Диксона, тщательно осматривая все мысы и бухты. 10 августа на берегу бухты Михайлова поисковиками была обнаружена еще одна важная находка. Это было кострище и следы стоянки. Здесь были обгорелые крупные кости, ружейные и винтовочные патроны (не российского образца), наконечник багра, ложка, нож, пуговицы, застёжки и т.д. Было решено, что найдены останки

одного из пропавших членов экспедиции.

По ходу осмотра участники экспедиции решили, что они нашли то, что искали, — следы разыскиваемых норвежских моряков Кнутсена и Тессема. Обгорелые кости в костре были предположительно определены как человеческие, что дало повод сделать предположение, которое отметил в своем дневнике Бегичев: «во время их путешествия пешком в темную пору при таких холодах и пургах они сбились с пути и зашли в глубокую бухту, и один из них умер, а другой товарищ его, ввиду того что похоронить его не было никакой возможности, дабы не растаскали труп звери, видимо сжег его на костре» [Шумилов, Новикова, 1977, с. 163].

Следующий этап в распутывании тайны гибели Кнутсена и Тессема связан с экспедицией сибирского геолога Николая Урванцева, в состав которой входил и Никифор Бегичев. 28 августа 1922 г. на берегу, расположенном непосредственно напротив острова Диксон, исследователи обнаружили главную находку. Это были останки человека в виде полуистлевшего скелета с частично сохранившейся одеждой и обувью. Тело лежало на склоне обрыва, вокруг него было найдено большое количество разных предметов, необходимых путешественнику, а также личных вещей. Среди вещей оказались часы с выгравированной фамилией Тессема и обручальное кольцо с именем его жены, подвешенное на кожаном ремешке [Урванцев, 1978, с. 56–57]. Все посчитали, что останки двух моряков найдены.

Полученные результаты и их обсуждение. Издревле память о погибших или пропавших экспедициях и путешественниках было принято увековечивать памятными знаками. Таким образом профессиональное сообщество полярников стремилось к сохранению памяти о погибших, преодолению утрат. Распространены были гурии — искусственные гряды камней, сложенные в качестве приметного знака), а также кресты и другие памятные знаки, установленные в Арктике различными отечественными и иностранными экспедициями в разные годы. Полклонные кресты устанавливались в приметных, хорошо видных с моря местах в память о погибших товарищах. Такие кресты часто служили и навигационными ориентирами.

На месте находки предполагаемых останков П. Кнутсена также был установлен памятный знак. 11 августа 1920 г. по соседству с костром в самой глине поисковики во главе с Бегичевым вырыли яму глубиной около 1 аршина, такой же глубины и ширины. В эту яму сложили все остатки истлевших костей и пепел от костра; засыпали сверху землей и покрыли камнями. У края ямы поставили крест высотой немногим более 1 сажени. Вокруг нижней части стойки креста прибили железную полосу (найденную здесь же про-

шивку полоза), на которой Кузнецов выбил ножом насквозь подпись по-русски. Надпись гласила: «Памятник Кнутсену и Тессему».

Примечательно, что норвежцы Л. Якобсен и А. Карлсен установили свой памятник. «Сажень в пяти» на юго-запад от могилы зарыли в землю и обложили камнями столб высотой около одной сажени. На этом столбе вырезали знаки Н. Бегичева, дату. Правда, как точно была составлена эта надпись, Якобсен и Карлсен не помнили [РГАЭ, Ф. Р-9570. Оп. 1. Д. 102. Л. 50].

Собственно в таком виде памятные знаки простояли довольно длительное время. Два столба на расстоянии друг от друга были хорошо видны еще в 1983 г., когда на Диксоне работала правительственная комиссия по идентификации останков полярников (ил. 1) [РГАЭ, Ф. Р-247. Оп. 3. Д. 30. Л. 11].

Некоторые части памятных знаков, конечно, за столь длительное время были утрачены. Так описывает их поиск участник полярной научно-спортивной экспедиции газеты «Комсомольская правда» (первый, 1973 г.) Ф. Склокин: «Одной из групп экспедиции газеты, в которой был и автор этих строк, было поручено установить точно координаты стоянки неизвестной экспедиции на западном побережье Таймыра на мысе "М". <...> Вдруг в метрах двадцати от нашего лагеря мы увидели небольшой деревянный кол, торчащий на четверть метра из земли. Тут же, не сговариваясь, побежали к нему — кто первый? Когда подбежали, то увидели только старую ржавую песцовую ловушку-капкан, каких здесь сотни. Разочарование не успело еще полностью нас охватить, когда на лежащем толстом бревне ловушки длиной 2,5 метра мы увидели зарубки от топора. Они были очень старые, как и само бревно. Оно было покрыто серозеленым налетом плесени-грибка и будто бы вросло в мох. На бревне разглядели надпись: "Н.Б. 1921". Это означало: "Никифор Бегичев, 1921 год".

— Нет, давайте положим бревно как было, — сказал Игорь. — Надо запечатлеть для истории.

Подошел и Ростов, он сразу же все понял — находка! <...>

Все лагерные дела отложили, потому что очень хотелось искать и искать, чтобы найти еще что-нибудь! Я побежал к песчаной косе с плавником, стал "шуровать", пытаясь что-нибудь найти в этих беспорядочных нагромождениях из бревен и пней. Игорь стал растаскивать ближайшую от "исторического" бревна груды камней, похожую на развалившийся гурий. Кто первый еще что-нибудь найдет? Но... вторая и последняя историческая ценность была обнаружена лишь на третий день нашей стоянки. А ведь мы проводили почти все это время в постоянных поисках. Вторая находка была сде-

лана в тридцати метрах от знака Бегичева. Там лежал кусок металлического полоза от саней-нарт.

Вот так нам удалось точно установить координаты стоянки русановцев на мысе "М"» (ил. 2) [Склокин].

Об обстоятельствах нахождения останков предположительно П. Тессема мы можем узнать из докладной записки Н.А. Бегичева от 23 ноября 1923 г. в Комсевпути: «...28 августа я и спутники Базаров и Пушкарев поехали... охоту на материк с целью набить больше диких оленей и увезти с собой на пароходах т.к. провизии у нас не было, пройдя проливы Провине и Лена, или около берега материка на пути я увидел на мыске скелет человека, тогда я сказал своим товарищам и мы пристали к берегу и что по осмотру оказалось скелет второго погибшего норвежца, при нем оказались именные часы, обручальное кольцо, десятка

два винтовочных патрон, перочинный нож и другие вещи, мы эти вещи взяли и поехали продолжать дальше свою охоту убив 6 оленей, а затем вернулись на Диксон, только, что пристали к берегу к нам подошли несколько человек из помещения в том числе и Урванцев, которые сообщили, что они получили радиотелеграмму о том, что пароход Гидроотряда на Диксон не придет, тогда я предложил Урванцеву, чтобы нам выехать завтра лодкой на Дудинку и сообщил ему, что нами во время охоты найдены скелет норвежца на расстоянии 3 верст» [РГАЭ, Ф. Р-9570. Оп. 1. Д. 102. Л. 55].

Похоронить останки поисковикам не удалось: «ибо не было времени: спешили ехать, а потому мы попросили служащих Диксона, чтобы они найденный скелет предали земле, а сами направились в Дудинку, куда прибыли 14 сентября» [РГАЭ, Ф. Р-9570. Оп. 1. Д. 102. Л. 55об.].

Найденные вещи и предметы позволили Бегичеву и Урванцеву предварительно идентифицировать найденные останки, как тело Питера Тессема [Урванцев, 1978, с. 58], что, в свою очередь, давало ответ на вопрос о принадлежности костей, найденных год назад в кострище на берегу бухты Михайлова. Простая логика подсказывала, что там могло быть сожжено только тело Пауля Кнутсена.

Могилу Тессема находится у юго-западного подножия горы Южной. На первоначальной могиле Тессема вначале стоял деревянный столб. Останки были помещены в ящик, ящик обложили камнями. В 1924 г. на первоначальном захоронении Тессема столб был заменен другим экипажем норвежской шхуны Veslekari, посланной норвежским правительством к месту гибели соотечественника. Крестовина столба была сделана из плавника. На листовничном столбе (на стороне, обращенной к морю) вырезана надпись: «Veslekari 1924».

Надпись на памятной табличке:

«ТЕССЕМ

+1920

МС МОД

НОРВЕГИЯ» (ил. 3).

В 1984 г. была установлена другая табличка [Текущий архив...]:

«Вблизи этого места

погиб участник

экспедиции

РУАЛА АМУНДСЕНА

ПЕТЕР ТЕССЕМ» (ил. 4).

В 1958 г. по инициативе советских полярников и портовиков при участии представителей Норвегии был установлен гранитный памятник на вершине скалистого откоса на берегу Енисейского залива, напротив южного фасада здания бывшего управления Диксонского морского порта. Таким образом, место гибели Тессема оказалось рас-

Ил. 3. Крест, установленный на первоначальном захоронении П. Тессема экипажем норвежской шхуны Veslekari в 1924 г. Снимок 1984 г. [РГАЭ, Ф. Р-247. Оп. 3. Д. 39. Л. 1]

Fig. 3. A cross erected at the initial burial of P. Tessem by the crew of the Veslekari Norwegian schooner in 1924. Photo of 1984 [Russian State Archive of Economics]

положено южнее относительно памятника и осталось отмечено деревянным крестом. Останки же Тессема были перенесены и захоронены под памятником (ил. 4).

Само надмогильное сооружение памятника было сделано в духе официальных обелисков. Первоначальный христианский смысл креста, символизирующего надежду, замещается официальной символикой. В настоящее время на монументе единственное, что что-либо символизирует, нагружено морскими символами, отсылающими к профессии погибшего, — это якорь. На самом надмогильном сооружении нет указания, кроме надписи, даже на национальность, не говоря уже об изложении тех событий, которые привели моряка на Диксон.

Сооружение представляет собой композицию из каменных плит, установленную на основание в форме параллелепипеда из бетона. Композиция представлена следующим образом: под небольшим углом поставлена монолитная каменная плита, опорной стенкой которой служат поставленные друг на друга два больших и несколько меньших обтесанных камней, скрепленные цементом.

Единственной приметой профессиональной принадлежности здесь стал адмиралтейский якорь, расположенный с лицевой (северной) стороны памятника. Он был прикреплен цепью к зацементированной части памятника с западной стороны. По углам основания памятника поставлены столбики в форме четырехгранной усеченной пирамиды, между которыми натянута цепи.

На плите с лицевой (северной) стороны памятника закреплена мемориальная табличка (0,6 x 0,5 м) с изображением якорей в верхних углах и текстом [Там же]:

«ТЕССЕМ
норвежский моряк, член
экспедиции м/ш «МОД»
погиб в 1920 г
TESSEM
t 1920
m/s MAUD NORGE» (ил. 5).

Отрадно, что общество помнит о погибших моряках. Можно считать, что пока есть память, они живы в воспоминаниях людей, а кто-то и сегодня продолжает их дело. Официальная или «общепринятая» интерпретация событий естественно порождала публичную символизацию в виде памятных знаков.

Но памятники по воле людей и воле времени стали мемориальным наследием. И нам, современным исследователям, интересно то, как места, связанные с гибелью двух моряков, с течением времени меняют свои очертания, места расположения и вновь воспроизводятся. По сути, они становятся инструментом коммеморации.

С памятником П. Тессему все более или менее понятно. Есть останки, т.е. матери-

Ил. 4. Памятная доска П. Тессему, установленная в 1984 г. на кресте. 1984 г. [РГАЭ, Ф. Р-247. Оп. 3. Д. 39. Л. 2]
Fig. 4. A memorial plaque to P. Tessem, installed in 1984 on the cross. 1984 [Russian State Archive of Economics]

альные подтверждения его гибели, что позволяет сконструировать место «хорошей смерти», смерти человека, избежавшего забвения. Смерть в этом случае воспринимается как предопределенное событие, как достойное завершение жизни.

Единственная противоположная версия принадлежала норвежскому исследователю Сэрэну Рихтеру. Внимание С. Рихтера привлек тот факт, что обручальное кольцо у найденного покойника (предположительно П. Тессема) висело на поясе, а не было надето на палец. Из этого факта норвежский исследователь делает вывод, что кольцо было снято с тела Тессема и повешено на свой пояс его товарищем Кнутсенем, чьи останки и были найдены 28 августа 1922 г. [Шумилов, Новикова, 1977, с. 167].

В противовес ему один из авторитетнейших знатоков севера и Диксона Н.Н. Урванцев наличие обручального кольца на поясе, а не на пальце покойника объяснял тем, что «металл на морозе сильно холодит пальцы, и при длительном пути есть риск отморозить

не только палец, но и всю кисть» [Урванцев, 1978, с. 58].

Эти рассуждения можно считать возражением версии С. Рихтера, но для полной уверенности в принадлежности тела нужны были более веские доказательства. Попытку найти их предприняли участники вышеупомянутой научно-спортивной полярной экспедиции. Они нашли фотографию, где останки норвежского моряка расположены в гробу без верхней крышки. По просьбе газеты «Комсомольская правда» в специализированных научных учреждениях был проведен сравнительный анализ останков (прежде всего черепа) с прижизненными фотографиями П. Тессема и П. Кнутсена.

Анализ проводился в лаборатории пластической реконструкции Института этнографии АН СССР и в отделе биологических и специальных исследований ВНИИ МВД

СССР. Достаточно развернутый ответ был подписан руководителями этих подразделений: кандидатом биологических наук В.Г. Лебединской и доктором медицинских наук М.В. Кисиним. Суть ответа сводилась к следующему: «погибший вряд ли мог быть Кнутсеном; не исключено, что им является Тессем» [Шпаро, Шумилов, 1982, с. 60].

Такой несколько уклончивый ответ не должен вызывать удивления. Серьезные специалисты не могли дать стопроцентного заключения на основании такого «скользкого» предмета исследования, как фотографии, в сочетании со словесным портретом.

С одной стороны, выводы В.Г. Лебединской и М.В. Кисина вполне корректны и позволяют уверенно заявить, что останки исследованного ими норвежского моряка принадлежат П. Тессему. Однако, с другой стороны, учитывая важность объекта исследования, его международный аспект и временную протяженность, такие выводы не могли до конца удовлетворить общественное мнение, а также интересы научного сообщества.

Исходя из этого, советское руководство делает решительный шаг — летом 1983 г. на Диксон была направлена специальная группа в составе прокуратуры СССР, НИИ судебной медицины Минздрава СССР и Московского филиала Географического общества СССР при АН СССР. По согласованию с Норвежским институтом полярных исследований группа официально провела эксгумацию найденных костных останков возле острова Диксон для последующей идентификации личности. Подробный отчет о результатах работы этой научно-судебной экспедиции был представлен в виде статьи на страницах издания «Социалистическая законность» за 1985 г., № 2.

Несмотря на популярный характер статьи-отчета, ее авторами являются вполне официальные лица: Б. Пискарев — прокурор-криминалист Магаданской областной прокуратуры, заслуженный юрист РСФСР; В. Звягин — доктор медицинских наук, старший научный сотрудник НИИ судебной медицины Минздрава СССР; Д. Алексеев — действительный член Географического общества СССР. Исходя из этого, есть основания полагать, что выводы, сделанные вышеуказанными авторами, вполне можно принять к сведению.

Из материалов статьи следует, что останки норвежского моряка были подвергнуты судебно-медицинской экспертизе, в результате которой было «установлено, что по признакам словесного портрета, возраста, роста и цвета волос принадлежность останков П. Кнутсену исключена». Наоборот, останки хорошо идентифицировались с П. Тессемом, который был небольшого роста (около 156 см), грациального телос-

Ил. 5. Памятник П. Тессему. Вид с северо-восточной стороны. (https://lt.sputniknews.ru/photo/20161214/1614327/ehkspediciya-rualya-amundsena-k-yuzhnomu-polyusu.html?mobile_return=yes)

Fg. 5. P. Tessem's grave monument. View from the northern-east side (https://lt.sputniknews.ru/photo/20161214/1614327/ehkspediciya-rualya-amundsena-k-yuzhnomu-polyusu.html?mobile_return=yes)

ложения. Выявленные волосы также соотносились с ним: были темно-русого цвета и склонны к поседению.

Наиболее определенно мнение экспертов может быть выражено следующим определением из их отчета: «Кроме совпадения по признакам расы, возраста и роста, зафиксировано сходство словесного портрета и масштабное соответствие размерных характеристик черт лица Тессема на фотоснимках с аналогичными особенностями черепа» [Пискарев и др., 1985а, с. 59].

Вышеприведенный материал в целом исключает дальнейшие сомнения в принадлежности останков норвежского моряка, найденных в 1922 г. экспедицией Урванцева-Бегичева. Определенно это был Питер Тессем, который смог преодолеть труднейший путь от мыса Челюскин до Диксона и трагически погиб в нескольких километрах от цели своего похода.

В отличие от П. Тессема, тело П. Кнутсена так и не было найдено, а память об этом событии по-прежнему полна интерпретаций и версий. В этой связи интересно не только изложить канву событий, но и уяснить, как та или иная версия отражала потребности современности, время, когда она рождалась.

Казалось бы, столь успешная находка полного удовлетворения поисковикам не дала. Во-первых, неясно, кто из двух моряков был сожжен. Во-вторых, оставались сомнения по поводу идентификации обгорелых костей, о чем позднее сказал капитан Якобсен: «Кости обгорели настолько, что мы не могли прийти к определенному мнению, были ли это кости человека или нет» [Шумилов, Новикова, 1977, с. 163].

Найденные вещи и предметы позволили Бегичеву и Урванцеву предварительно идентифицировать найденные останки как тело Питера Тессема [Урванцев, 1978, с. 58], что, в свою очередь, давало ответ на вопрос о принадлежности костей, найденных год назад в кострище на берегу бухты Михайлова. Простая логика подсказывала, что там могло быть сожжено только тело Пауля Кнутсена.

В 1941 г. журналист и полярник Н.Я. Болотников, скрупулезно исследовав состав предметов, найденных экспедицией Якобсена-Бегичева 10 августа 1921 г. на берегу бухты Михайлова, усомнился в их принадлежности погибшим норвежским морякам и высказал собственную оригинальную версию. Она была изложена в его книге «Никифор Бегичев», которая впервые вышла в 1949 г.

Хорошо зная историю северных экспедиций, Болотников предположил, что находки, обнаруженные Якобсеном и Бегичевым, принадлежат экспедиции В.А. Русанова, бесследно исчезнувшей в 1912 г. во льдах восточной части Карского моря на судне «Геркулес» [Шумилов, Новикова, 1977, с. 167].

Таким образом, через несколько десятилетий версия гибели обоих норвежских моряков оказалась под вопросом. Исследование этой проблемы необходимо было начинать сначала. Существенную роль в этом деле сыграла научно-спортивная полярная экспедиция газеты «Комсомольская правда», проходившая в 1973 и 1975 гг. В ходе ее был собран фактический материал, который позволил сделать более надежные и определенные выводы.

Еще раз проанализировав состав находки Якобсена и Бегичева на берегу бухты Михайлова, участники экспедиции Д.И. Шпаро, А.В. Шумилов и А.А. Новикова определенно подтвердили гипотезу Н.Я. Болотникова о

Ил. 6. Памятный знак, установленный научно-спортивной полярной экспедицией газеты «Комсомольская правда» (1973, 1975 гг.) — свидетельство о пребывании на этой стоянке русановцев. 1984 г. [РГАЭ, Ф. Р-247. Оп. 3. Д. 30. Л. 17]

Fig. 6. The memorial sign established by the scientific and sports polar expedition of the Komsomolskaya Pravda newspaper (1973, 1975) is a certificate of the stay of the Rusanov's group in this parking lot. 1984 [Russian State Archive of Economics]

том, что находка эта связана с экспедицией В.А. Русанова и не имеет отношения к судьбе норвежцев Кнутсена и Тессема [Шумилов, Новикова, 1977, с. 166]. В ходе экспедиции на обследуемом месте появилась очередная табличка как свидетельство о пребывании на этой стоянке русановцев (ил. 6).

С этим выводом экспедиции согласился и Н.Н. Урванцев, который после собственного подробнейшего анализа состава находки Якобсена и Бегичева пришел к выводу, что «остатки костра и вещей, найденные Бегичевым, принадлежат русановцам, а не норвежцам» [Урванцев, 1978, с. 66].

Не оставили без внимания участники экспедиции и кости, найденные в кострище этой находки. По описанию Бегичева они нашли песчаный холмик, под которым он захоронил, предположительно, обгорелые останки одного из норвежских моряков. Кости эти были увезены в Москву и отданы на экспертизу. Результаты ее показали, что это кости не человеческие, а олени. Очевидно, это были следы охотничьей экспедиции русановцев и опять-таки не имели отношения к судьбе норвежских моряков [Шумилов, Новикова, 1977, с. 166; Урванцев, 1977, с. 67].

Возникает вопрос: можно ли окончательно исключить из научного оборота и отправить в область легенд и преданий романтическую версию Бегичева о сожжении тела одного норвежского моряка для предотвращения растерзания его зверями? Большинство ученых считает, что да.

Тем интереснее уклончивые выводы исследования, проведенного Московским филиалом Географического общества СССР при АН СССР с привлечением специалистов из прокуратуры СССР и НИИ судебной медицины Минздрава СССР летом 1983 г. При-

летев на Диксон в район Земляного мыса, экспедиция обнаружила следующее. Бегичевский столб с его инициалами был обнаружен в 1974 г. Правда, к этому времени он уже лежал на земле и найти то место, где он когда-то стоял, так и не удалось. Дело в том, что в условиях глинистых многолетнемерзлых грунтов дерево не гниет, но зато постепенно «выжимается», выталкивается на поверхность, и следы углубления не сохраняются (ил. 7).

Время принесло и другие трудности: за истекшие десятилетия глинистый склон мыса на несколько метров сполз в море, да и на самом мысе побывало немало людей, оставивших свои следы. В этих условиях найти крошечное захоронение, затерявшееся на площади в несколько тысяч квадратных метров, — занятие не из легких. В то же время осмотр местности был необходим в любом случае, и не только с целью поисков, но и для фиксации обстановки, существующей на данный момент.

В одном из мест были замечены следы давнего костра и на глубине около полуметра обнаружены два костных фрагмента со следами действия пламени [Пискарев и др., 1985б].

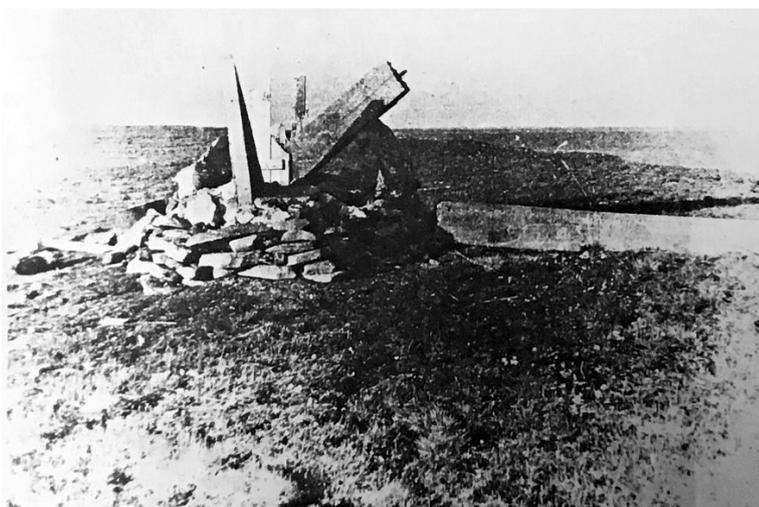
В ходе предпринятого раскопа обнаружены частицы древесного угля, торфоподобных включений и единичных кусков мелкой древесной щепы, не подвергшихся сожжению. Другие инородные включения, располагающиеся на глубине 40–50 см от поверхности, представлены ржавыми гнутыми гвоздями в количестве 5 штук, обрывком кусочка тонкой блестящей фольги белого цвета; шурупом с толстым слоем ржавчины, скрывающей конструктивные особенности.

Костные обломки имели неравномерную окраску поверхности (с участками черного, буроватого и интенсивно белого цвета), характерную для костей, подвергнувшихся длительному воздействию высокой температуры пламени. Костные фрагменты плотные, поверхность их гладкая, края крупчато-зубчатые [РГАЭ, ф. 247. Оп. 3. Д. 30. Л. 4–5].

Результаты последующих лабораторных исследований показали, что кости принадлежали собакам.

Неужели Бегичев ошибся? Но его версия о том, что костер каким-то образом связан со спутниками Амундсена, подтверждается по крайней мере двумя вескими фактами. Во-первых, давностью костра, хорошо согласующейся по времени с путешествием Тессема и Кнутсена. А во-вторых тем, что пряжки, найденные Бегичевым, аналогичны пряжкам, обнаруженным в захоронении Тессема на Диксоне [Пискарев и др., 1985б].

Мы можем допустить, что Бегичев ошибся лишь в одном: Кнутсен не умер на Земляном мысе. Но два норвежца все же на нем побывали. Об этом красноречиво сви-

Ил. 7. Разрушенное бетонное основание памятника на предполагаемом месте гибели П. Кнутсена. 1984 г. [РГАЭ, ф. Р-247. Оп. 3. Д. 30. Л. 16]

Fg. 7. The destroyed concrete base of the monument at the alleged site of the death of P. Knutsens. 1984 [Russian State Archive of Economics]

детельствует их маршрут. И нет ничего невероятного в том, что в тяжелом походе Тессему и Кнутсену пришлось употреблять в пищу собачье мясо. Такой вывод подтверждается многовековым опытом полярных путешествий.

Выводы. Документы и материалы свидетельствуют, что останки норвежского моряка, найденные в 1922 г. экспедицией Урванцева-Бегичева, принадлежали Питеру Тессему, который смог преодолеть труднейший путь от мыса Челюскин к поселку Диксон и трагически погиб в нескольких километрах от цели своего похода. На месте его гибели возведен памятник, который является частью культурного ландшафта поселка Диксон (ил. 8). В данном случае наличие мемориала позволяет иметь двухстороннюю площадку для проведения торжественных церемоний и дружеских встреч, связанных с историей освоения Арктики Россией и Норвегией.

В настоящее время по-прежнему остается загадкой место гибели П. Кутсена, а памятный знак, первоначально установленный ему на мысе Михайлова, трансформировался и оказался связан с экспедицией В.А. Русанова. Как мы знаем, сохранение памяти о человеке и возведение «памятника» возможно лишь в том случае, если определенная версия прошлого вольно или невольно признается обществом. Неудивительно поэтому, что памятное место так и не было сформировано, а в ситуации соперничества нескольких точек зрения переплетаются и несколько дискурсов: как минимум, официально-героический и государственно-ориентированный.

Первый явно отечественного производства и связан с почти вековой неудачей в поисках экспедиции В.А. Русанова. Тем более что коллективные воспоминания складываются вокруг личностей, обладающей большей ценностной нагрузкой. В нашей стране имя полярника Русанова более известно, чем моряка Тессема. Владимир Русанов — удачливый практик и теоретик, наметивший пути для нашей страны в деле освоения Северного морского пути, был, конечно, личностью государственного масштаба, и решению загадки его исчезновения уделялось значительно больше внимания, чем поиску следов пропавших членов экспедиции Амундсена. Однако постепенно без новой доказательной базы поиски Русанова сошли на нет. В государственном дискурсе и со стороны Норвегии, и со стороны России также нет ясности, что связано как с отсутствием останков норвежского моряка, так и с неполнотой сведений о месте его гибели.

Поиски в настоящее время связаны с межнациональным профессиональным сообществом и его коллективным опытом, переживаемым в аутентичном пространстве

Ил. 8. Останки П. Тессема [Шпаро, Шумилов, 1982]
Fg. 8. The remains of P. Tessem [Shparo, Shumilov, 1982]

Севера, ностальгией по великим открытиям, героизму и подвигам. Для общества важна скорее проработка прошлого на примере произошедших событий. Так, как следует из личной переписки авторов, тот же Д. Шпаро переиздал «Три загадки Арктики» на норвежском языке, подготовил второе издание «Трех загадок» — книгу «Арктические трагедии» и презентовал ее на конференции Arctic Frontiers [Шпаро].

Эффект подлинности столь давних событий и их переживание вновь достигается за счет подлинности места. Именно само место становится символическим посредником между прошлым и настоящим, а переживание гибели и ощущение утраты помогает связать разные поколения между собой. В таком случае при мемориализации всех, кто когда-то побывал на этом месте, идентификации, а также музеефикации их следов присутствия возможно создать легальную площадку для диалога и встречи различных цивилизаций, значительно расширить культурный потенциал острова Диксон.

Список литературы

1. Амундсен Р. Собрание сочинений. — Т. III. — Л.: Изд-во Главсевморпути, 1936. — 451 с.
2. Пискарев В., Звягин В., Алексеев А. Черта под полярной трагедией // Социалистическая законность. — 1985а. — № 2. — С. 57–60.
3. Пискарев В., Звягин В., Алексеев А. Загадка Земляного мыса // Социалистическая законность. — 1985б. — № 3. — С. 69–70.
4. Урванцев Н.Н. Таймыр — край мой северный. — М.: Мысль, 1978. — 238 с.

5. Шпаро Д.И., Шумилов А.В. Три загадки Арктики. — М.: Мысль, 1982. — 142 с.

6. Шумилов А.В., Новикова А.А. Неизвестная телеграмма Амундсена и судьбе его спутников // *Летопись Севера*. — Вып. 8. — М.: Мысль, 1977. — 215 с.

References

1. Amundsen R. *Sobranie sochinenii* [Collection of the works]. Vol. 3. Leningrad.: Iz-vo Glavsevmorputi, 1936. 451 p.

2. Piskarev V., Zvyagin V., Alekseev A. Cherta pod polyarnoi tragediei [Trait under the polar tragedy]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 1985a. No 2. Pp. 57–60. (In Russ.)

3. Piskarev V., Zvyagin V., Alekseev A. Zagadka Zemlyanogo mysa [The riddle of the Cape of Earth]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 1985b. No 3. Pp. 69–70. (In Russ.)

4. Shparo D.I., Shumilov A.V. Tri zagadki Arktiki [Three riddles of the Arctic]. Moscow: Mysl', 1982. 142 p. (In Russ.)

5. Shumilov A.V., Novikova A.A. Neizvestnaya telegramma Amundsena i sud'be ego sputnikov [Unknown telegram of Amundsen and the fate of his companions] // *Letopis' Severa*. Iss. 8. Moscow: Mysl', 1977. 215 p. (In Russ.)

6. Urvantsev N.N. Taimyr – krai moi severnyi [Taimyr is my northern homeland]. Moscow: Mysl', 1978. 238 p. (In Russ.)

Список источников

1. РГАЭ. Ф. Р-247. Оп. 3. Д. 30, 39.
2. РГАЭ. Ф. Р-9570. Оп. 1. Д. 102.
3. Склокин Ф. Поиски следов пропавшей экспедиции Владимира Русанова. — URL:

<http://travelreal.ru/europe/rossiya/polyarnye-dnevniky> (дата обращения: 01.05.2020).

4. Текущий архив Службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края. Паспорт объекта культурного наследия «Могила норвежского моряка Тессема — участника полярной Норвежской экспедиции Амундсена на шхуне «Мод», погибшего в 1920 году».

5. Шпаро Д. Из письма авторам статьи // Личный архив А.П. Дворецкой.

Список сокращений

АН СССР — Академия наук СССР

ВНИИ МВД СССР — Всесоюзный научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел СССР

НИИ судебной медицины Минздрава СССР — Научно-исследовательский институт судебной медицины Министерства здравоохранения Союза Советских Социалистических Республик

РГАЭ — Российский государственный архив экономики

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

СССР — Союз Советских Социалистических Республик